

© Ю.А. БОРТНИКОВА, А.П. ЯРКОВ

Soroka-jul@rambler.ru, ayarkov@rambler.ru

УДК 72.033: 28 (571.12)

**ГЕНЕЗИС ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ФОРМ И ОБРАЗОВ
ИСЛАМСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

АННОТАЦИЯ. Эта статья посвящена зарождению и развитию исламской архитектуры Западной Сибири в период Средневековья. Авторы анализируют архитектурные и пространственные формы и образы, источники по их истории, а также процесс трансформации в условиях православного характера Российского государства. В статье рассматриваются данные археологических раскопок на месте Сибирского ханства, описания мечетей и минаретов, данные путешественниками XVIII в. В тексте анализируются рисунки из «Ремезовской летописи», виды таких сооружений, как юрта, возможность строительства мечетей в китайском стиле. В начале статьи авторы рассматривают такие архитектурные сооружения, как дворцы, мавзолеи, мечети и минареты, медресе и мектебе, затем характеризуют архитектуру Сибирского ханства второй половины XVI в., а также изменения, произошедшие в XVII в. Особое внимание уделено государственной политике в области мусульманской архитектуры. Авторы делают вывод о том, что мусульманская архитектура Сибири отличалась от классических форм и в то время обладала специфическими чертами.

SUMMARY. This article focuses on the creation and development of Islamic architecture in Western Siberia during the Middle Ages. The authors analyze the architectural and spatial forms and images, the sources relating on their history, as well as the process of transformation under the condition of the Orthodox nature of Russian state. The data of archaeological excavations on the site of the Siberian Khanate and the descriptions of mosques and minarets provided by XVIII century travelers are also mentioned in the article. The text dwells upon the images in the "Remezovskaya Chronicle", the types of constructions such as a yurt and the possibility of building mosques in the Chinese style. The article gives the most complete attention to such architectural constructions as the palaces, mausoleums, mosques, minarets, madrassahs and mektebe. Moreover, it provides an insight into the architecture of the Siberian Khanate in the second half of the XVI century as well as the changes happened in the XVII century. Particular attention is paid to the state policy in the field of Islamic architecture. The article concludes by suggesting that the Muslim architecture of Siberia differed from classical forms and meanwhile had some specific characteristics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Архитектура, мечеть, мавзолей, Западная Сибирь, Средневековье.

KEY WORDS. Architecture, mosque, mausoleum, Western Siberia, the Middle Ages.

В мировой исламской культуре существует несколько архитектурно-пространственных форм: рибаты, форга, дворцы, мавзолеи, мечети и минареты, медресе и мектебе. Расположение по определенным частям света, смысловая направленность, монументальность в сочетании с лепными орнаментами, ро-

списями, оригинальными архитектурными деталями создавали облик местности, сразу узнаваемой как «мусульманский мир».

Учитывая, что очередная волна исламизации региона, начатая в XVI в. ханом Кучумом, должна была привести к укреплению мусульманского образа жизни, то усложнение архитектурных форм логично вписывалось в новую идеологию. В Западной Сибири в условиях укрепления и господства среди коренного, тюркского населения ислама, внешний облик подобных сооружений демонстрировал упрочение и доминирование этого типа мировоззрения, тем более что другая часть населения — аборигены (угры и самодийцы) вообще постоянных сооружений не имели. Для них исламские сооружения оставались «чужими», и до тех пор не могли иметь сакрального смысла, пока не совпадали с их представлениями о священном месте. Примером компромиссного варианта является самая северная в исламском мире культовая постройка — Цингалинская астана (на юге современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры), одновременно являвшаяся почитаемым уграми священным местом, около которого (не одновременно и не пересекаясь) проводили ритуалы мусульмане и шаманисты. Облик сработанной из дерева постройки оказался близким жителям подтаежной области, несмотря на различие мировоззрений.

Не было компромиссного варианта «срединности» после присоединения территорий Сибирского ханства к России. Более того, существование исламской архитектуры стало проблематичным. Как отмечал М.П. Дульский, «...монументального татарского искусства (в частности, зодчества) мы не имеем, и история не сохранила его прежних форм. Имеются только некоторые данные о наличии крупных фрагментов, которые можно было определенно отнести к татарской архитектуре XVI-XVIII вв.» [1; 123]. Эта же тенденция наблюдается и в отношении исламского зодчества в пределах региона в XVI-XVIII вв., и анализ архитектурных объектов данного периода поводится, за редким исключением, лишь на основе косвенных источников. На территории Западной Сибири информации о рибатах (пограничных крепостях для «воинов Аллаха», распространявших ислам), пока нет, а дворцы и фортификационные сооружения, символизировавшие государственную независимость, объективно не могли строиться на российском этапе мусульманской истории Сибири. Кроме того, созданные ранее были разрушены и не поддаются реконструкции и детальному изучению.

Напротив, мавзолеи в виде астана существуют до сих пор (их архаичная форма поддерживалась новыми поколениями посетителей и охранителей — астана карауцы, исходя из архитектурно-строительной традиции), хотя так и не приобрели классических исламских форм, оставаясь «плодом» лишь сибирских традиций деревянного зодчества.

Мечети и минареты прошли в XVII-XIX вв. значительную эволюцию, хотя и к настоящему времени часть из них соответствует «классическим» (имея в виду сложившимся в ближайшем географическом окружении) мусульманским образцам. Малоизвестны по источникам их описания, но допускаем, что медресе и мектебе строились лишь при мечетях и, возможно, сохранили свой традиционный облик — в виде простых, без орнаментики, прямоугольных сооружений из дерева, типологически схожих с жилищами сибирских тюрков.

Стоит подробно остановиться на оценке «чужого» архитектурного облика в интерпретации людей иной конфессиональной принадлежности. Так, например,

сохранились изображения зданий восточного типа, отраженные С.У. Ремезовым на картах конца XVII-начала XVIII вв.: первое — рисунок Кызыл-Туры (столицы полумифического Ишимского государства) из Ремезовской летописи; второе — восточное здание на первом чертеже Тобольского кремля.

Поневоле возникает вопрос об объективности изображений. Здесь необходимо признать, что другой очевидец, уроженец немецких земель Г. Миллер отозвался о работах Ремезова как о «летописце с очень плохими картинками» [2; 341]. Однако, учитывая точность архитектурных деталей на иных изображениях, характерную для С.У. Ремезова и замеченную учеными [3; 141], эти рисунки можно исследовать на предмет поиска ответа на вопросы: могли на территории Западной Сибири существовать строения такого типа; отражал ли объективно взгляд Ремезова суть и характер построек, для «иноверцев» из числа его земляков бывших сакральными?

Рисунок Кызыл-Туры отобразил юрту, окруженную крепостной стеной. Юрта напоминает строение полусферической формы (купол), что характерно для Средней Азии и вообще для классической исламской архитектуры. Возможно, что ранее стоявший там «дворец» хана мог быть в виде юрты, но по общим архитектурным формам она вписывалась в мусульманскую архитектурно-строительную культуру.

Второе восточное здание на рисунках С. Ремезова — «тюрьма» [4; 12] с первого чертежа Тобольского кремля — может быть типологически связано с архитектурой Востока. Это строение изображено в виде китайской пагоды: нижняя часть крыши загибается и находится параллельно земле. Однако истоки этого архитектурного решения (если все-таки оно было реальным, а не гипотетическим) нужно искать не столько в традиционных связях с Китаем, сколько в особенностях хозяйственно-бытовой жизни большей части населения Сибирского ханства.

Допускаем, что данное строение вполне могло появиться на основе юрты, поскольку тюркское население в тот период лишь переходило к оседлости и постепенно осваивало земледелие, немалая часть вела кочевой или полукочевой образ жизни, соответственно, предпочитая передвижной тип жилища. Поэтому для них облик юрты оставался еще на долгое время «своим», хотя во второй половине XVI-XVII вв. местные юрты приобрели различные формы. В частности, С.У. Ремезов в приложении к карте Кучумова городища («Знамения, почем познавать в чертеже какия места») из «Хорографической книги Сибири» определяет три вида юрты: просто «юрта» (такие обозначены на карте буквой «ю»), «зимняя юрта» и «летняя юрта» (обозначены буквами «з» и «л» соответственно). Одна из разновидностей юрты изображена на карте Московии А. Дженкинсона XVI в. на месте Тюмени [5], — в виде «шляпы с полями», и «поля» лежат на земле.

С одной стороны, такое строение отличалось от традиционных; с другой стороны, при его сооружении могли использоваться как местный материал, так и привычные технологии. В частности, делать загиб крыши позволяла технология изготовления лыж и саней, а также традиционных юрт. Более того, данная форма крыши была более практичной, чем полусферическая: она изготавливалась легче и лучше сохраняла тепло: при полусферической крыше объем помещения увеличивался, что поднимало энергетические затраты на обогрев.

Таким образом, в условиях Сибири крыша в виде китайской пагоды могла стать распространенным архитектурным решением с точки зрения практичности и рациональности. В связи с этим возникает два вопроса. 1) Было ли совпадение с китайской пагодой случайным? 2) Насколько такая крыша соответствовала представлениям сибирских татар об исламской архитектуре?

Связи средневековых сибирских государств со странами Востока, в том числе Китаем, были традиционными. Через Сибирское ханство проходили «Великий шелковый путь» и «Большой чайный путь». Даже после похода Ермака именно через Тобольск осуществлялась вся российская торговля с Китаем. Законодательное регулирование этой сферы неоднократно отражено в архивах. В частности, к 1879 г. относится «дело о правах китайских подданных производить торговлю в пределах России», в том числе в Сибири. Эти связи не могли не отразиться на материальной культуре региона, так как купцы везли из Китая множество предметов быта и искусства, а также рассказывали об облике Поднебесной. Китайская культура не была в Сибири «своей», но не могла быть и «совсем чуждой».

Аналоги есть. Подтверждением этого служит казахская мечеть в виде пагоды в г. Джаркент 1895 г. выстроенная по проекту китайского архитектора Хон Пика, по инициативе и на средства семиреченского купца первой гильдии Вали Ахуна Юлдашева [6; 205]. Мечеть легко вписалась в религиозную картину Семиречья, причем не было никаких административных или религиозных преград при ее проектировании и возведении [7; 3].

В целом мусульманская архитектура Тюменского региона прошла эволюционное развитие. Будучи синкретичной на протяжении всего рассматриваемого периода, отражая как исламские, так и традиционные верования, она постепенно отражала содержание нормативного ислама. Это явление наиболее ярко проявилось в эволюции мечетей — от мечетей-юрт до современных классических образцов.

Существовавший на протяжении второй половины XVI–XIX вв. синкретизм в мусульманской архитектуре соответствовал исламской художественной культуре региона. Его элементы остаются и в настоящее время в архитектуре астана, некрополей, основной части мечетей и минаретов. Однако объем традиционных представлений уменьшается, а нормативных — увеличивается, что свидетельствует об изменении представлений местного населения о самом исламе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дульский П.М. Татарское изобразительное искусство в прошлом // Из истории татарского народного искусства: Сб. статей. Казань, 1995. С. 123-133.
2. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел. Кн. 1. СПб., 1750.
3. Напр.: Белич И.Б. Чертеж «Кучюмово городище и старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С.141-155.
4. Науменко О.Н. Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008.

5. Карта из атласа А. Ортелиа: «Teatrum orbis terrarum» («Зрелище шара земного»). (Антверпен, 1579). URL: <http://www.nlr.ru:8101/exib/siberia/sib00.htm>

6. Казахская советская энциклопедия. Т. 4: Язык. Литература. Фольклор. Искусство. Архитектура. Алма-Ата, 1991.

7. Петровский А. Чудо-мечеть в Жаркенте // Казахстанская правда. 2005. 15 февраля.

REFERENCES

1. Dul'skij, P.M. Tatar art in the past. *Iz istorii tatarskogo narodnogo iskusstva — History of Tatar folk art*. Sat. articles. Kazan, 1995. Pp. 123-133 (in Russian).

2. Miller, G.F. *Opisanie Sibirskogo carstva i vseh proissshedshih v nem del* [Description Siberian kingdom, and all occurred in the business there]. Prince. 1. SPb., 1750 (in Russian).

3. Belich, I.B. The drawing “Kuchjumovo settlement and the old Siberia” from “The chorographic drawing book” by Remezov, S.U. For the 300 anniversary of the first Russian geographical atlas of Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii — The bulletin of archeology, anthropology and ethnography*. 2010. No 1 (12). P. 141-155 (in Russian).

4. Naumenko, O.N. *Tobol'skij tjuremnyj zamok: stranicy istorii* [The Tobolsk prison castle: pages of history]. Tyumen: Tjumenskij gosudarstvennyj universitet publ., 2008 (in Russian).

5. *Karta iz atlasa A. Orteliya: “Teatrum orbis terrarum” (“Zrelishe shara zemnogo”). (Antwerpen, 1579)* (The map from the Abraham Ortelius' atlas “Teatrum orbis terrarum” (“Theatre of the World”). (Antwerp, 1579)). Available at: <http://www.nlr.ru:8101/exib/siberia/sib00.htm> (in Russian)

6. *Kazahskaja sovetskaja jenciklopedija* [The Kazakh Soviet encyclopaedia]. V. 4: Language. Literature. Folklore. Arts. Architecture. Alma Ata, 1991 (in Russian).

7. Petrovskij, A. A miraculous mosque in Zharkent. *Kazahstanskaja pravda — The Kazakhstan Pravda*. 2005. February, 15 (in Russian).